

Продемонстрированный подход, на наш взгляд, позволяет сформировать у изучающих китайскую письменность устойчивую связь между структурными элементами иероглифического знака и его семантикой, глубокое понимание механизмов формирования значения иероглифа, тем самым обеспечивая формирование у студентов сознательного подхода к китайскому письму и умение посредством семантики иероглифа декодировать языковые единицы более высокого порядка.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Карасева К. В. Принципы декодирования китайских логограмм и реконструкция их семантики. Минск : РИВШ, 2014.
2. Гордей А. Н. Принципы исчисления семантики предметных областей. Минск: БГУ, 1998.
3. Гордей А. Н. Основания комбинаторной семантики // Слово и словарь = Vocabulum et vocabularium : сб. науч. тр. по лексикографии / Гродн. гос. ун-т им. Я. Купалы ; [отв. ред.: Л. В. Рычкова, В. Л. Воронович, С. А. Емельянова]. Гродно, 2005.

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ ЖЕНСКИХ ОБРАЗОВ («МАХАБХАРАТА», БИБЛИЯ И «ШАХНАМЕ»)

О. Л. Коренькова¹⁾, А. В. Данилович²⁾

*¹⁾Белорусский государственный университет,
ул. Ленинградская, 20, г. Минск, Беларусь, olkorenkova@mail.ru*

*²⁾Белорусский государственный университет,
ул. Ленинградская, 20, г. Минск, Беларусь, aliaksandraniovich@gmail.com*

Статья посвящена женским образам «Махабхараты», Библии и «Шахнаме». Особое внимание уделено образам матери и жены — одним из важнейших социальных ролей женщины. Нами рассматриваются особенности реального положения женщин в древних обществах, которые находят свое отражение в образах героинь избранных литературных памятников; анализируются образы матери и жены в «Махабхарате», Библии и «Шахнаме», а также проводится их сравнительный анализ, на основе которого выявляются их специфические черты; доказываемся схожесть основных элементов женских образов «Махабхараты», Библии и «Шахнаме»; отмечается своеобразие воплощения женского идеала в каждом из рассматриваемых памятников.

Ключевые слова: Махабхарата; Библия; Шахнаме; женские образы; роль женщины; образ матери; образ жены.

SOCIO-CULTURAL CONDITIONING OF WOMEN'S IMAGES (“MAHABHARATA”, THE BIBLE AND “SHAHNAMEH”)

O. L. Korenkova¹), A. V. Danilovich²)

¹*Belarusian State University,
Leningradskaya str., 20, Minsk, Republic of Belarus, olkorenkova@mail.ru*

²*Belarusian State University,
Leningradskaya str., 20, Minsk, Republic of Belarus, aliaksandranielovich@gmail.com*

The article is devoted to the female images of the Mahabharata, the Bible and the Shahnameh. Particular attention is paid to the images of the mother and wife, as the embodiment of the most important social roles of women. The relationship between the real position of women in ancient societies and the images of the heroines is considered; the images of mother and wife in the Mahabharata, the Bible and the Shahname are described, and their comparative analysis is carried out for the first time. Their specific features that distinguish the cultures and societies in which these literary monuments have developed are revealed, and the hierarchy of the role of mother and wife in them is analyzed. The similarity of the main elements of the female images of the Mahabharata, the Bible and the Shahnameh is proved, and the originality of the embodiment of the female ideal in each of the considered monuments is noted.

Keywords: Mahabharata; Bible; Shahnameh; female images; the role of a woman; the image of the mother; the image of a wife.

Многие древние культуры объединяет видение женщины, в первую очередь, как матери. Женщина без детей видится неполноценной, и даже наличие у нее смысла жизни ставится под вопрос. Подобного рода взгляды на положение женщин в обществе представлены в Библии, «Махабхарате» и «Шахнаме».

В индуизме материнство было неотъемлемой частью жизни благодетельной женщины, праведной и благочестивой жены, обязанностью которой являлось принесение мужу всех возможных благ, основным же долгом женщины считалось рождение сына, поскольку только так ее супруг сможет выполнить уже свою религиозную обязанность: «женщины были созданы для рождения потомства, мужчины – для воспроизведения, поэтому муж и жена должны вместе исполнять свою дхарму, как предписано в Ведах» [1, с. 263]. Предпочтение отдавалось мужскому потомству, женщина, которой удалось родить сына, а лучше нескольких, становилась в глазах индийского общества полноценной и уподоблялась богине Лакшми [2, с. 279]. От мужчины требовалось уважать эту воплощенную небожительницу наравне с собственной матерью. Он давал ей особое

место в семье, место хозяйки, которое предполагало почитание со стороны всех домочадцев. Слово матери – закон для ее детей, и иногда оно даже весомее слова отца. Мать нужно почитать, ей нельзя причинять вред, с ней нельзя ссориться, ее нельзя бросить в беспомощном состоянии [3]. Предполагалось, что наличия любящего супруга и детей должно в полной мере хватать женщине и делать ее, а значит и всех ее близких, счастливыми. Недовольная мать ввергает всю семью в пучину бедствия, но зато удовлетворенная хозяйка дома – это ключ к процветанию.

В семье библейских времен мать также пользовалась уважением. На ней лежала обязанность воспитания детей, передача знаний о женском труде дочерям и т.п. В Библии есть множество указаний на необходимость почтительного отношения как к отцу, так и к матери (Притч 6:20, Втор 27:16, Исх 21:15, Лев 19:13, Исх 20:12). Тем не менее, значительного социального веса женщина не приобретала даже после рождения ребенка, но получала бóльшую власть в своей семье и бóльшее уважение и благосклонность со стороны мужа и общества.

В зороастрийской среде материнство было обязательной ступенью жизни женщины, поскольку продолжение рода опять же виделось последователям этой религии священной обязанностью. Первой яркой родительской фигурой даже в древнеиранском патриархальном обществе для ребенка становилась мать, так как до пяти лет дети обоих полов воспитывались женщинами. Именно от детей мать получала основную долю заслуженного почета. Зороастрийские писания четко устанавливают иерархию в семье: «эти несколько человек должны подчиняться и служить: жена – мужу, ребенок – отцу, матери» [4, с. 108]. Так, если мать входила в помещение, сын обязан был встать и не имел права садиться, пока она ему не разрешит. Согласно греческим и римским источникам, уважение к своим родительницам проявляли даже иранские падишахи. Так, за столом царя Артаксеркса II с ним сидели лишь два человека – мать Парисатида и жена Статира [5, с. 178].

Патриархальность древних обществ отражается во всех рассматриваемых нами текстах. Ведущую роль в этих произведениях играют мужские персонажи, но и женские образы несут важную смысловую нагрузку и показывают особенности жизни женщин в те времена.

Образы матерей, представленные в «Махабхарате», Библии и «Шахнаме» объединяет идея уважения к матери. И воины-кшатрии индийского эпоса, и библейские патриархи, и богатыри эпического Ирана при всей своей власти и силе почитают и оберегают своих родительниц. В то же время видна и поощряемая обществом ответная любовь матери к своему чаду и неустанная забота о нем. В данном аспекте и наблюдается некоторое различие образов матери. В

«Махабхарате» главным для женщины является забота о дхарме, в том числе своих детей. Так, одна из центральных героинь, царица Кунти, никогда не забывала о том, что ее дети принадлежат к касте кшатриев, а значит, должны (согласно их дхарме) править и сражаться. Узнав о горе брахмана, который должен либо сам идти на съедение ракшасу Баке, либо посылать к нему кого-либо из членов своей семьи, она без колебаний отправила на опасное сражение с демоном своего сына Бхимасену: «У меня пять сыновей, о брахман; один из них пойдет вместо тебя, взяв с собою приношение для того злого ракшаса» [6, с. 415]. При этом Кунти не интересуется желанием сына, так как эта услуга – должное, попросту не подлежащее обсуждению дело. Так же уверенно героиня призвала к битве с Кауравами другого своего сына, Юдхиштхиру [7, с. 261]. В «Шахнаме» чувство женщины к своему ребенку проявляется через опеку и страх за жизнь чада. В этом эпосе распространен мотив матери, которая в одиночку воспитывает своего ребенка из-за вдовства, скитаний или длительного отъезда супруга. Так, Техмине и Джерире воспитывали сыновей вдали от мужей, Рудабе была женой богатыря Заля, который стоял на защите государства и большую часть времени был занят службой, а на долю Феранек и Ференгис выпали вдовство и скитания, во время которых им необходимо было защищать своих детей от гибели. Другой интересный пример – царица Кетаюн. Будучи матерью непобедимого богатыря Исфендиара, она, тем не менее, хочет спасти своего сына не от греха невыполнения долга, а от гибели. Узнав, что воин собирается на бой с Ростемом, женщина все силы бросает на то, чтобы его отговорить: «Пристало ль тебе нападать сгоряча, // Рубить, словно юный безумец, сплеча? ...Мать бедную горести не обрекай» [8, с. 219–220]. В Библии, в свою очередь, мы видим мало примеров взаимоотношений матери и ребенка, которые позволили бы нам судить об их характере. Интересен пример заботы об одном ребенке в ущерб другому – это история Ревекки и ее сыновей Исава и Иакова. «Исаак любил Исава... а Ревекка любила Иакова» [9, с. 24] – так говорит Библия о двух братьях. Когда умирающий отец решил благословить своего любимца, Ревекка взялась обхитрить подслеповатого мужа: зная, что тот сможет отличить Исава лишь наощупь – по его густой растительности на теле, она советует гладкокожему Иакову обложиться кожей козленка и пойти к отцу. Так старик благословляет не того, кого хотел, и Ревекка под предлогом поиска невесты отправляет Иакова подальше от гнева Исава. Такое неодинаковое отношение к детям, причем к сыновьям, подкрепляемое институтом первородства, нехарактерно для «Махабхараты» и «Шахнаме», где мы не видим у матерей явного наличия «любимчиков».

Однако и в Библии этот пример единичен. Наиболее ярко раскрывается в Священном Писании проблема бесплодия, через драматизм которой хорошо видна патриархальная установка на обязательное продолжение рода и горе и позор женщин, которые его не могли обеспечить. Прежде чем стать матерями, через бесплодие прошли такие библейские героини, как Сарра, Ревекка, Рахиль, жена Маноя, жена Елканы и новозаветная Елисавета.

Во всех рассматриваемых произведениях представлены образы матерей, которые потеряли своих детей. В Библии это Рицпа, чьи сыновья были казнены царем Давидом. После этой трагедии несчастная женщина днями сидела возле повешенных трупов и охраняла их от диких зверей [9, с. 357]. В «Махабхарате» самой многострадальной матерью можно назвать Гандхари. Благочестивая праведница, она всеми силами пыталась поставить своих преступных сыновей на путь дхармы, умоляя их помириться с кузенами: «Объединившись с... многомудрыми Пандавами ты будешь, о сын мой, вместе наслаждаться землею, преисполненный счастья!» [7, с. 53–54] Перед битвой вместо пожелания выиграть она говорит сыну Дурьодхане: «Где дхарма – там и победа!» [10, с. 70], предчувствуя неизбежное и слабо надеясь на то, что ее сын опомнится. Однако ни упреки мужу и детям, ни слезы, ни увещания не уберегли ее от горя, которого она закономерно ожидала всю жизнь – гибели на поле боя всех ее сыновей. Подобным образом из-за конфликта престолонаследия своего сына теряет и царица Хинда из включенного в «Шахнаме» «Сказа о Гове и Талханде и появлении шахмат». После смерти мужа, царя Джамхура, женщина выходит замуж за его брата Мая, взошедшего на престол. Когда он тоже умирает, царица остается с двумя сыновьями от двух своих мужей – Говом и Талхандом. Постепенно между братьями разгорается конфликт, поскольку неясно, кто же из них имеет право на трон. Попытки матери сгладить противоречия и помирить братьев оказываются тщетными: вспыхивает война, в результате которой Талханд погибает. Обезумев от горя, царица винит во всем Гова и, хотя тому удастся доказать свою невиновность, так и не приходит в себя: «Недвижно, в молчанье, без пищи и сна // Жила до последней минуты она» [11, с. 187].

Другая важная социальная роль женщины — это роль жены. Особый подход к пониманию функции женщины в жизни своего супруга в Индии принял форму дхармического предписания. Душа, воплотившаяся в теле женщины, по мнению индуистов, отрабатывает негативную карму предыдущего воплощения и должна посвятить текущую жизнь служению мужчине. Выходя замуж, женщина наконец получает возможность исполнить свою дхарму. Она обязуется почитать

мужа как бога, помогать ему в ритуалах и, конечно же, реализовать себя как мать сыновей [12, с. 184].

В древнееврейском обществе женщина также обязана была почитать мужа. Своего супруга жена называла «господином», или «баалом» [13, с. 124]. Женщина, как и ее дети, была собственностью мужа [13, с. 120]. Верная и благочестивая жена награждалась плодовитостью, а ее потомство (в основном мальчики) – красотой [13, с. 126]. От жены требовалось заботиться о хлебе и воде для семьи, ухаживать за детьми и поддерживать доброжелательные отношения внутри клана. Хороший древнееврейский муж в свою очередь заботился о своей супруге и уважал ее, хотя и держал ее в строгости и повиновении.

Сходный образ идеальной жены мы находим и в зороастрийских текстах. В «Суждениях духа разума» находим такое описание женщины-рата (идеального представителя своего вида или рода): «молодая, благожелательная, надежная, с хорошей репутацией, хорошим характером, озаряющая дом, (чья) застенчивость и боязнь хороши, (которая является) другом своему отцу, деду, мужу, наставнику, красивая, с хорошей фигурой» [4, с. 79]. В жены советуется брать ту, что не запятнала свою репутацию, надежна и скромна [4, с. 15]. Эти описания говорят нам о том, что идеал зороастрийской женщины – девушка детородного возраста, не очернившая себя добрачными связями, кроткая и легкая в общении, красивая. Муж должен уважать жену, а тот, кто ее обижает, называется «злонравным» и противопоставляется праведнику [4, с. 96]. Однако женщина имеет гораздо больше обязанностей перед своим мужем за исполнение или неисполнение которых ей воздастся на том свете.

Общий мотив уважения к супругу красной нитью проходит через «Махабхарату», Библию и «Шахнаме». Однако очень хорошо видно различие в отношении жены к мужу в трех сопоставляемых памятниках, что проявляется в степени почитания мужа женой. В «Махабхарате» мы видим женщин, фанатично преданных супругам. Примерами могут служить Савитри, вернувшая мужа с того света, Гандхари, лишившая себя зрения ради слепого жениха, или Драупади, которая, даже имея тысячи служанок, лично пеклась о бытовом комфорте своих пятерых мужей. Здесь на первый план выходит служение. В «Шахнаме» в свою очередь акцент делается на влюбленности женщины в мужчину. Так, Судабе предает отца ради возлюбленного, Рудабе влюбляется в Заля, даже ни разу не увидев его, а Маниже прячет понравившегося ей едва знакомого вражеского богатыря от своего царственного отца. В Библии женщины ведут себя в отношении мужчин чаще всего с необходимым почтением, но иногда показывают и свою волю и характер. Например, уже упомянутая Ревекка обманула престарелого мужа, нарушив его

волю, Мелхола упрекнула своего супруга Давида в момент его триумфа, а царица Астинь ослушалась мужниного приказа, за что больше никогда не увидела супруга. Показателен общий для всех трех текстов сюжет принятия гостя. В «Махабхарате» женщина, муж которой заболел, заботится о нем настолько внимательно, что игнорирует просьбу о воде пришедшего в дом брахмана. При этом она знает, что поступает так, как требует того ее дхарма: «Ты должен, о безупречный брахман, простить мне мою вину... Из всех богов супруг – мой высочайший бог» [14, с. 411]. Жена огородника из «Шахнаме», принимая в доме ослабшего воина, дает поручения мужу и волнуется о том, как бы ей угодить гостю, в котором она подозревает представителя царского рода. Муж в свою очередь не желает проявлять гостеприимство, поэтому жене приходится понукать им. При этом ее действия автором «Шахнаме» одобряются: «Но мужа словам не внимает жена... И разум жены, наконец, победил...» [15, с. 259–260]. В Библии этой истории вторит сюжет об Авигее, чей муж Навал отказался накормить Давида и его людей. Тогда Авигея втайне от супруга извиняется перед Давидом и дает ему множество даров, а когда Навал умирает, Давид тут же берет Авигею в жены. Стоит отметить, что такое отношение женщины (пример с Авигеей) к памяти покойного супруга однозначно порицается в индуистских «Законах Ману» [1, с. 259] и немислимо для героинь «Махабхараты» – они предпочитают практику *сати*, или самосожжения вместе с покойным супругом. Так поступают многие жены Кришны, а также жена Панду Мадри, при этом, в полном соответствии с брахманическими текстами, такое поведение преподносится как благо [16, с. 343]. В «Шахнаме» также есть один пример самоубийства овдовевшей женщины – царицы Ширин, жены царя Хосрова. Этот пример ярко выделяется на фоне самоубийств героинь-матерей «Шахнаме». Так, в иранском эпосе, кроме вышеупомянутой царицы Хинда гибели своего ребенка не выдерживают Техмине и Джерире, матери Сохраба и Форуда соответственно. Интересно, что весьма схожи истории царевны Уттары из «Махабхараты» и Рудабе из «Шахнаме». Обе женщины теряют близких и начинают изводить себя голодом. Но Уттара делает это после гибели супруга, и будучи беременной, а Рудабе скорбит по своему пятисотлетнему сыну Ростему, говоря: «Отныне и есть я, и спать зареклась! // Быть может, мой встретится дух, воспаря, // С душою могучего богатыря» [8, с. 329]. Тем не менее, несмотря на больший уклон в сторону материнской любви, героини «Шахнаме» также демонстрируют любовь к мужчине. Как утверждает иранский исследователь Х. Алави в своей книге «Женщина в древнем Иране», «девушки в своих молитвах просили у Бога сильного и героического

супруга, чтобы с ним обзавестись такими же героями-сыновьями» [17, с. 21]. Ярким подтверждением этим словам является история Техмине, которая ночью сама приходит к богатырю Ростаму с такими словами: «Нет пары мне между царями... я в сердце надежду таю,/ Что сына рожу, что отвагу твою/ В наследье получит он, силу и рост» [18, с. 12–13]. Этот сюжет одновременно показывает и готовность девушки пренебречь многим ради любви и стремление воплотить черты своего возлюбленного в будущем потомстве.

Женские образы «Махабхараты», Библии и «Шахнаме» в большинстве своем отражают главные принципы отношения жены к мужу, общие для всех трех рассматриваемых культур и древних цивилизаций: уважение и почитание. Проявляются эти принципы иногда по-разному. В «Махабхарате» царица Суканья смиренно заботится о муже-старце и даже предпочитает его молодым богам, а жена царя Айодхьи просит у брахмана прощения всех грехов ее несправедного супруга. В Библии Сарра, поняв, что не может родить Аврааму ребенка, предлагает ему наложницу, а Мелхола помогает мужу сбежать от ее отца, вознамерившегося убить зятя. В «Шахнаме» Ференгис находит в себе силы защитить и воспитать сына, как ей перед своей смертью завещал муж, а Ширин кончает жизнь самоубийством после гибели супруга.

Изучение определенного канона относительно положения и функции женщины в древних обществах и сравнительный анализ женских образов в «Махабхарате», Библии и «Шахнаме» позволили нам увидеть сходства в представлении о женщине, ее социальных ролях, что доказывает единый путь в развитии художественного мышления, человеческого сознания и общества. Обнаруженные в ходе исследования различия в понимании предназначения женщины, в свою очередь, отражают уникальный процесс формирования народов и наций.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Ману-самхита: Законы человечества / М.: Философская Книга, 2011.
2. Авилова И. К., Лупарева Е. А. Идеал женской красоты в Индии // Известия Восточного Института Дальневосточного Государственного Университета. 2007, № 14.
3. Ляшенко Е. Н. Правовое положение женщины по древнеиндийским источникам // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. 2013, № 2.
4. Чунакова О. М. Зороастрийские тексты. Суждение Духа разума (Дадастан-и меног-и храд). Сотворение основы (Бундахишн) и другие тексты. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1997.
5. Khaleghi-Motlagh D. Die Frauen in Schahname. Freiburg im Breisgau : Klaus Schwarz Verlag, 1971.
6. Махабхарата. Книга первая. Адипарва. / Пер. с санскр. и коммент. В. И. Кальянова. М.Л.: Издательство Академии наук СССР, 1950.

7. Махабхарата. Книга пятая. Удьюгапарва, или Книга о Старании. / Пер. с санскр. и коммент. В. И. Кальянова. Л.: Наука, 1976.
8. Фирдоуси А. Шахнаме: в 6 т. / Пер. с фарси Ц. Б. Бану-Лахути, коммент. В. Г. Луконина. М.: Издательство Академии наук СССР, 1969. Т. 4: От царствования Лохраспа до царствования Искендера.
9. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. С иллюстрациями Гюстава Дорэ: в 2 т. / Синодальный перевод. М.: Библейские комиссии, «Духовное просвещение», 1991. Т. 1.
10. Махабхарата. Книга десятая. Сауптикапарва, или Книга об избииении спящих воинов; Книга одиннадцатая. Стрипарва, или Книга о женах. / Пер. с санскр. и коммент. С. А. Невелевой и Я. В. Василькова. М.: Янус-К, 1998.
11. Фирдоуси А. Шахнаме: в 6 т. / Пер. с фарси Ц. Б. Бану-Лахути и В. Т. Берзнева, коммент. Л. Г. Лахути. – М.: Издательство Академии наук СССР, 1989. Т. 6: От начала царствования Йездгерда, сына Бахрама Гура до конца книги.
12. Успенская Е. Н. Дхарма («закон жизни») женщины высокой касты // Журнал социологии и социальной антропологии. 2010. Том XIII. № 3 (52).
13. Шураки А. Повседневная жизнь людей Библии. М.: Молодая гвардия, 2004.
14. Махабхарата. Книга третья. Лесная (Араньякапарва) / Пер. с санскр. и коммент. Я. В. Василькова и С. А. Невелевой. М.: Наука, 1987.
15. Фирдоуси, А. Шахнаме: в 6 т./ Пер. с фарси Ц. Б. Бану-Лахути и В. Г. Берзнева, коммент. В. Г. Луконина. М.: Издательство Академии наук СССР, 1984. Т. 5: От начала царствования Искендера до начала царствования Йездгерда, сына Бехрама Гура.
16. Махабхарата. Книга первая. Адипарва / Пер. с санскр. и коммент. В. И. Кальянова. М.- Л.: Издательство Академии наук СССР, 1950.
17. علوی، هدایت‌الله، ۱۳۰۰، ۱۳۷۷. زن در ایران باستان. – تهران: هیرمند، ۱۳۷۸.
18. Фирдоуси А. Шахнаме: в 6 т. / Пер. с фарси Ц. Б. Бану-Лахути, коммент. А. А. Старикова. – М.: Издательство Академии наук СССР, 1960. Т. 2: От сказания о Ростеме и Сохрабе, до сказания о Ростеме и хакане Чина.

ВІРТУАЛЬНЫ ЛАНЦУГ СТАРАЖЫТНАКІТАЙСКОЙ МОВЫ

М. І. Крыцук-Тарасаў

*Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт,
пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь, nikita_kritsuk@mail.com*

У артыкуле прыведзены асобныя прыклады разбору ўрыўкаў са старажытнакітайскага помніка «Джуандзы», а таксама прадстаўлены высновы дадзенага разбору. Аўтар прымяняе ў адносінах да старажытнакітайскай мовы канцэпцыю віртуальнага ланцуга, распрацаваную А.М. Гардзеем у дачыненні да сучаснай кітайскай мовы. У сінтаксічнай структуры старажытнакітайскай мовы вылучаецца шэраг членаў сказаў і знакаў алфавіта сінтаксіса, а таксама топік і каментар, непасрэдна адлюстраваныя ў сінтаксічных структурах. Нягледзячы на ​​неабходнасць далейшых даследаванняў і канкрэтызацыі, канцэпцыя віртуальнага ланцуга адэкватна і паўнаватнасна апісвае сінтаксічныя характарыстыкі лінейнага спалучэння знакаў у старажытнакітайскай мове,